

Яков
Гилинский

КРИМИНОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

» НЕОКРИМИНОЛОГИЯ

Либерализация права: от репрессий к милосердию

Яков Ги́линский

**Криминология постмодерна
(неокриминология)**

«Алетейя»

2021

УДК 343.9
ББК 67.51

Гишинский Я. И.

Криминология постмодерна (неокриминология) /
Я. И. Гишинский — «Алетейя», 2021 — (Либерализация права: от репрессий к милосердию)

ISBN 978-5-00165-249-6

В монографии предпринята попытка представить основные особенности современного этапа развития науки криминологии в эпоху постмодерна – неокриминологии. Обосновываются авторские представления о преступности, криминогенных факторах, «личности преступника», социальном контроле над преступностью, включая наказание. Книга рассчитана на специалистов – криминологов, социологов, девиантологов, политологов, психологов, а также широкую читательскую аудиторию, интересующуюся проблемами преступления и наказания в современном мире. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-00165-249-6

© Гишинский Я. И., 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
1.1. Понятие, предмет	8
1.2. Неокриминология в системе наук	10
1.3. Немного методологии	11
Глава II	14
2.1. Понятие преступности	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яков Ильич Гилинский
Криминология постмодерна
(неокриминология)

© Я. И. Гилинский, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос
Нильс Бор

Авторские представления о криминологии (как социологии преступности) достаточно полно представлены в монографии «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль», выдержавшей четыре издания (2002, 2009, 2014, 2018 гг.), и в ряде других публикаций.

Однако последние годы все чаще и чаще приходит в голову мысль о том, что наши традиционные представления о преступности, криминогенных факторах, социальном контроле над преступностью, включая наказание, все меньше и меньше соответствуют социальным реалиям. Впрочем, о «кризисе криминологии», кризисе «уголовной юстиции», «кризисе наказания» давно пишут российские и зарубежные коллеги¹.

Последние годы и я в одной монографии и ряде статей пытался нащупать современное отношение к преступности (девиантности в целом) и социальному контролю над ней².

Дело в том, что развивается (меняется) человечество (как род *Homo Sapiens*), изменяется общество, изменяются научные представления о нем. Многие представления, сколь бы правдивыми они ни казались, устаревают, теряют свою обоснованность. Особенно когда это касается этических оценок. С конца XX века мы все живем в новой общественной формации – обществе *постмодерна* (или постклассическом, постсовременном, постиндустриальном). Особенности этой новой общественной формации не могут не сказываться на всех проявлениях человеческой жизнедеятельности, включая нежелательные, девиантные, «преступные».

Соответственно не могут не меняться методы и результаты научных исследований – девиантологических, криминологических. Не могут не меняться соответствующие отрасли знаний – девиантология, криминология. Хотя автор относит себя к представителям и той, и другой науки³, но не будем разбрасываться, и остановимся на наших представлениях о современной *криминологии постмодерна* (или, *по-моему, неокриминологии*). Подчеркну: речь не идет о создании «новой» науки (это было бы непростительно наивно со стороны автора), а лишь о некоторых предложениях по развитию очередного *этапа* криминологии.

В развитии *новых идей* современной криминологии из отечественных авторов велика заслуга М.М. Бабаева, О.Н. Библика, А.Э. Жалинского, Г.И. Забрянского, Ю.Ю. Комлева, Н.А. Лопашенко, В.А. Номоконова, В.С. Овчинского, С. Г. Олькова, Ю.Е. Пудовочкина, А.З. Рыбака, Л.И. Спиридонова, И.Л. Честнова, Н.В. Щедрина и др. «В поисках новых ответов» в эпоху постмодерна задумался Д.В. Жмуров⁴.

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. – М.: Проспект, 2009; Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. – М.: Юрлитинформ, 2020; Спиридонов Л.И. Философия права. В: Спиридонов Л.И. Избранные произведения. – СПб: Изд-во СПб института права, 2002 (с. 20–31); Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. – Apocalypse Publishing Co, 1990; Christie N. Limits to Pain. – Oxford: Martin Robertson, 1981; Pepinsky H., Jesilov P. Myths that Cause Crime. – Seven Locks Press, 1984; Rotwax H. Guilty: The Collapse of Criminal Justice. – NY: Random House, 1996; и др.

² Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. Монография. – СПб: Алетейя, 2017; Он же. Наказание как результат недомыслия // Неволя, № 52, 2017; Он же. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского института МВД РФ, № 1 (35), 2019. С. 6–13; Он же. Преступность как повседневность // Телескоп, № 1, 2019. С. 24–26; Он же. Нормальность девиантности // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Ун-т МВД РФ, 2019. С. 64–68; и др.

³ См., например: Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 4-е изд. – СПб: Алетейя, 2021.

⁴ Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. – Иркутск: Репроцентр А1, 2012.

И все же, и все же... В упомянутых выше работах я пытался принципиально переосмыслить системообразующие понятия криминологии, как науки о преступности: преступность, генезис преступности, «личность преступника», наказание. Конечно, я далеко не уверен в том, что прав. (Истины вообще достичь невозможно, есть много истин, нет Истины⁵; «1. Юридическая наука как таковая отсутствует. То, что сегодня именуется наукой не отвечает требованиям научности. 2. Сама «наука», будучи современницей Нового времени (модерна) в эпоху постмодерна, себя исчерпала»⁶). Но почему бы не попытаться («попытка не пытка»!) изложить мое сегодняшнее понимание предмета криминологии в эпоху постмодерна (или, как говорят, уже пост-постмодерна)? Да, это получится несколько поверхностно, возможно, не совсем убедительно, с невольными лакунами (последнее издание моей «Криминологии» содержит 516 страниц, а «Девиантологии» – 600 страниц. «Неокриминологию» в таком объеме мне уже не осилить...). Я не буду повторять подробное описание элементов неокриминологии, когда и поскольку они отражены в моей «Криминологии»⁷.

Так как многие мои соображения содержатся в вышеназванных трудах последнего времени (2017–2020 гг.), я невольно местами буду повторяться, за что приношу извинение читателям.

Венчает эту небольшую книгу небольшое же Приложение. Это статья 2020 года («Немного об Апокалипсисе»), опубликованная в малоизвестном (пока еще) журнале. В статье я с болью изложил мои сегодняшние мысли о человечестве, государстве, возможном будущем. По своему содержанию она имеет, как мне кажется, непосредственное отношение к проблематике неокриминологии.

Приношу неизменную благодарность Наталии Николаевне Проскурниной – моей музе, которая в тяжелое время моей старости, пандемии коронавируса, невозможности наших любимых поездок по всему миру, склонила меня к написанию этой небольшой монографии, делала дельные замечания по тексту по мере того, как я его сотворял и, конечно же, завершила сей труд библиографией, как и во всех моих предыдущих монографиях.

---

⁵ Гилинский Я. Есть много истин, но нет Истины // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. – СПб: РГУП, 2018.

⁶ Спиридонов Л.И. Указ соч., С. 25.

⁷ Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2018.

Глава I

Неокриминология

There are many criminologies and many criminologists.
Roy Michalovskj

1.1. Понятие, предмет

Криминология (лат. *crimen* – преступление, греч. *λογος* – учение) наука о преступлениях, а точнее – о преступности.

Неокриминология – современное учение о «преступности», которой не существует в природе, онтологически. Точнее – наука о том, что именно государство здесь и сейчас решило *считать* «преступным» (включив в уголовный закон).

Неокриминология лишь последовательный *этап* развития криминологии (первый этап – классическая школа уголовного права, второй – позитивизм с антропологическим, психологическим, социологическим направлениями, третий – радикальная криминология и постмодернистская). Не удивительно, что мною будут употребляться оба термина, криминология – как традиционный, неокриминология лишь в тех случаях, когда надо подчеркнуть *особенности этого этапа* развития криминологии как науки.

Но если преступности объективно не существует (что будет показано ниже, во второй главе), то что же это за наука о том, чего нет? Ну, во-первых, есть же «наука» богословие о том, чего нет... Во-вторых, если любое государство испокон веков называет некие деяния «преступлениями», содержит многочисленный аппарат правоприменителей по «борьбе» с ними, то почему же не изучать, (1) почему государство именно *эти* деяния превращает в преступные, (2) сами «преступления» и то, (3) что делает государство, противодействуя им.

Предмет неокриминологии в значительной степени повторяет предмет традиционной криминологии, но с некоторыми уточнениями:

- *преступность* как совокупность обычных для людей деяний, но признанных государством «преступлениями» здесь и сейчас;
- *факторы*, влияющие на то, *почему* государство именно эти деяния признает преступными;
- *факторы*, влияющие на степень распространенности деяний, признаваемых государством «преступными»;
- *преступление*, как индивидуальный поведенческий акт (совершение индивидом того, что государство считает преступным);
- *механизм индивидуального преступного поведения* (преступления);
- *отдельные виды преступлений*, выделяемые по содержательному (против личности, против собственности) или иному (женская, организованная, молодежная) критерию;
- традиционно «*личность преступника*» (которой, правда, в принципе не существует; «в криминологии... нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника»⁸);
- *жертва преступлений* (изучается подотраслью криминологии – виктимологией);

---

⁸ Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. – М.: Юрлитинформ, 2020. С. 239.

– *социальная реакция* на «преступность», как со стороны государства (социальный контроль, включая наказание и профилактику), так и с точки зрения различных групп (в обществе постмодерна – *фрагментов*, о чем будет сказано далее⁹) населения;

– *история* криминологии (особенно важно для понимания трансформации криминологии в неокриминологию) и история преступности;

– методология криминологии, неокриминологии и методика криминологических исследований.

Ниже будут рассмотрены не все составляющие неокриминологии. Так, мы опустим историю криминологии, которая достаточно изложена в многочисленных учебниках и трудах, а жертву преступлений оставим виктимологии.

---

⁹ См. также: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: А летейя, 2017. С. 22–24.

1.2. Неокриминология в системе наук

Неокриминология, как современный этап криминологии, является, прежде всего *социологией* преступности. Напомним, социология изучает любые явления, существующие в обществе (социология власти, социология семьи, социология города, социология села, социология молодежи и т. п.).

Повторю мои представления об иерархии рассматриваемых наук: *социология* > *социология девиантности и социального контроля (девиантология)* как отрасль социологии > *криминология* как отрасль девиантологии (наряду с аддиктологией, суицидологией и другими отраслевыми науками, изучающими различные проявления девиантности – нормонарушений).

Поскольку сама «преступность» – порождение государства, неокриминология теснейшим образом должна быть связана с *политологией*. И, конечно же, с *уголовным правом, порождением коего и является преступность* (отмените уголовный закон и преступности... не станет; другое дело, что будут убивать, грабить, насиловать, но это не будут преступления).

Понятна связь с *экономикой*: экономика один из криминогенных / антикриминогенных факторов; наличие экономической преступности.

Культура общества, политическая культура – один из важнейших факторов криминализации / декриминализации государством тех или иных деяний. При этом культура понимается в широком смысле, как способ существования общественного человека (Э.С. Маркарян). Отсюда и культуральная криминология¹⁰.

Очевидна связь с *географией*, поскольку «преступность» не одинаково распространена как между государствами (что очевидно), так и среди регионов одного государства.

Значительно сложнее, чем это предполагалось ранее, в рамках неокриминологии взаимодействие социологии, психологии, психиатрии, нейробиологии, нейрофизиологии. Не будучи в этом вопросе специалистом, отсылаю уважаемых читателей к ранее названной монографии А.З. Рыбака.

О роли *математических* методов исследования преступности – в следующем параграфе.

---

¹⁰ Ferrell J., Sanders C. Cultural Criminology. – Boston: Northeastern University Press, 1995; Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology – SAGE, 2008; Presdee M. Cultural Criminology and Carnival of Grime. – L.-NY: Routledge, 2000.

1.3. Немного методологии

Поскольку я придерживаюсь принципа относительности любых знаний, постольку (и не только поэтому) мои рассуждения о методологии (как и обо всем прочем) будут носить характер размышлений, а не утверждений.

В многочисленных (особенно диссертационных) отечественных работах до сих пор используется набор привычных методов: материалистическая диалектика, системно-структурный, формально-логический, анализ, синтез, индукция, дедукция – классический набор авторефератов кандидатских и докторских диссертаций... Но серьезного анализа применения этой методологии мне не попадалось...

Льщу себя надеждой, что упомянутые в моей «Криминологии» методологические принципы еще не устарели¹¹:

- *Принцип универсальности законов мироздания* (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

- *Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности*. Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая преступность).

- *Принцип относительности знаний (релятивизм)*. Всякое знание о любом предмете действительности – относительно, неполно, ограничено.

- *Принцип дополненности* (Н. Бор). Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бором сформулировано как принцип дополненности – *contraria sunt complementa* (противоположности дополнены): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект.

Принципиальным (повторюсь) имеет для меня понимание невозможности познать Истину в последней инстанции. Методологическим последствием этого является признание полипарадигмальности науки. И, более того, ее исчерпанности. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»¹². Согласно Ж.-Ф. Лиотару, «Наука оказывается не более, чем одной из языковых игр: она не может более претендовать на имперские привилегии по отношению к иным формам знания, как то было в эпоху модерна»¹³.

Зарубежные криминологические теории постмодерна предлагают новую методологию: теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, использование таких понятий, как «странный аттрактор», бифуркация¹⁴. Но за редким исключением (например, последствия достижения точки бифуркации, развитие идей сингулярности¹⁵) мне не встречалось развернутое понимание и применение в криминологии этих методов. Правда, восприятие мира как хаоса – «постмодернистская чувствительность» (W. Welsch, Ж.-Ф. Лиотар), «мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован» (З. Бауман) – имеет место быть с соответствующими криминологически значимыми последствиями.

Одна из характеристик общества постмодерна – *неопределенность*. Один из крупнейших современных российских теоретиков права И.Л. Честнов, так подводит итог размышлению о

¹¹ Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2018. С. 19–24.

¹² Ядов В.А. Современная теоретическая социология. – СПб: Интерсоцис, 2009. С. 20.

¹³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб: Алетейя, 1998. С. 96.

¹⁴ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. – SAGE Publications, 1996; Milovanovic D. Postmodern Criminology. – NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

¹⁵ Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации, № 2, 2015; Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: PG, 2005.

постмодернизме в праве: «Таким образом, постмодернизм – это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе (и праве), это признание сконструированности социального мира, а не его данность»¹⁶.

Тема *сингулярности* нуждается в специальном рассмотрении¹⁷. «“Сингулярность” – это исходно чисто математическое понятие, оно означало перегиб в движении кривой, то есть резкое изменение характера ее движения. Это математический образ резкого перегиба, изменения в характере развития человечества... Сингулярность – это необратимый и необходимый резкий переход в какое-то новое качество» (К. Фрумкин).

Если максимально коротко, речь идет о постоянном ускорении циклов, этапов развития человечества. В период постмодерна (пост-постмодерна) изменения столь быстры, что где-то к 2035 году «кривая» развития может встать «вертикально» с непредсказуемыми последствиями¹⁸. А прогресс станет недоступен для человеческого понимания – настолько высокими будут его темпы развития. В значительной степени это связывают с появлением искусственного интеллекта. Мы уже живем в периоде (растянутой, дрящейся «точке») бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, «что будет дальше». Это, разумеется, относится и к нашему предмету. (Вот почему наивны вопросы: а как будет развиваться преступность? Что будет в ближайшие годы с убийствами, терроризмом, коррупцией?).

Трудно сказать, насколько реалистична и точна «Сингулярность» Р. Курцвайля (Raymond Kurzweil «The Singularity is Near»), но очевидно, что технологии постмодерна развиваются по экспоненте, и человечество ждет или немислимый сегодня, невероятный прогресс, или катастрофический конец... А может быть вначале одно, а затем второе... Вот как это видится одному из интерпретаторов предсказаний Курцвайля: «Грядут великие изменения. Созданные нашим разумом технологии изменят ход вещей в мире и это неизбежно. Мы навсегда забудем о старости и голоде, мы навсегда забудем о войнах и предрассудках. Мы станем едины со своими творениями и обретем такую власть над материей, которую цари прошлого не могли вообразить даже в самых смелых психоделических мечтаниях. Или мы погибнем, от рук себе подобных или от рук своих творений. Сегодня все еще зависит от нас, от наших действий и решений...»¹⁹. Зависит ли?...

Наконец, нельзя не отметить, в частности, в связи с полипарадигмальностью современной науки (если она еще все же жива), упомянутую монографию А.З. Рыбака «Криминология в человеческом измерении». Она «посвящена принципиально новой методологии криминологических исследований, основанной на открыто-системном подходе». Автором используются нейробиологические, психологические, социологические методы и теории в построении своей оригинальной концепции с непосредственными выходами на криминологические проблемы.

Большое значение в изучении преступности (что бы под ней ни понималось) принадлежит эмпирическим исследованиям, использующим различные *методы* (анализ статистики,

¹⁶ Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, № 4 (10). С. 47–48.

¹⁷ Назаретян А.П. Указ. соч.; Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргмак-Медиа, 2015; Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – New York: PG, 2005; Rees M. J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty First Century? – New York: Basic Books, 2003.

¹⁸ См., например: Медведев С. Конец истории. // URL: <http://www.svoboda.org/a/27934174.html?lflags=mailer> (Дата обращения: 20.08.2016); Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // ж. «Век глобализации», 2015, № 2; Фрумкин К. Сингулярность. Образы «пост-человечества». – М.: Алгоритм, 2016.

¹⁹ Ромул М. Сингулярность действительно близко // URL: <http://novadeus.com/wp-content/uploads/Singularity.pdf>. С. 49. (Дата обращения: 19.04.2018).

анализ документов, опросы населения и отдельных его групп, интервью, наблюдение, эксперимент, а также психологическое тестирование²⁰).

Все большую роль в нашем цифровом мире приобретает математический анализ предмета неокриминологии. Помню, как на одной из ежегодных европейских криминологических конференций молодой криминолог из Германии математически показал неэффективность наказания (в конкретном регионе за определенный промежуток времени).

В России математическими методами исследования хорошо владел Г.И. Забрянский²¹, применяли Д.А. Ли, О.А. Олькова, И.С. Скифский, Э.Г. Юзиханова²². Наиболее совершенно ими владеет и применяет С. Г. Ольков²³.

---

²⁰ Подробнее см.: Гишинский Я. Криминология. Указ. соч. С. 25–29.

²¹ Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности (Статистико – криминологическое исследование). – М.: Рудомино, 2000; Он же. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). – М.: РААиН, 2010.

²² Ли Д.А. Преступность в России. Системный анализ. – М.: Гелва, 1997; Он же. Преступность в структуре общества. – М. Русский мир, 2000; Олькова О.А. Сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период (1960–2013 годы). – М.: Юрлитинформ, 2014; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. – Тюмень: Вектор Бук, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. – Тюмень: Вектор Бук, 2005.

²³ Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. – Тюмень: ТГНГУ, 2006; Он же. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. – Новосибирск: Наука, 1999; Он же. Аналитическая криминология. – Казань: Познание, 2007; Он же. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. – Тюмень: ТГНУ, 2003 и др.

Глава II

Преступность

2.1. Понятие преступности

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

Последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: *в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам, per se.* Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть – социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями.

Так, например, *убийство* – это умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), тягчайшее преступление. Но ведь умышленное причинение смерти другому человеку это и подвиг, убийство врага на войне. Это же и профессиональная деятельность палача в странах, где, к сожалению, сохраняется смертная казнь. И это – легальное умышленное причинение смерти другому человеку, если совершено в состоянии необходимой обороны.

Студенты однажды заставили меня задуматься, назвав *изнасилование* деянием, которое всегда преступно. Мне пришлось вспомнить наличие сообщества, где это деяние входило в обряд инициации (когда девушек, достигших определенного возраста, пускают бежать, а через пару минут за ними устремляются молодые люди...). А *jus prima noctis* в феодальном обществе? И до сих пор в ряде стран изнасилование жены не считается преступлением.

Хищение (изъятие чужого имущества без согласия собственника) есть преступление. Но ведь существуют конфискация имущества (изъятие без согласия собственника) государством. Возможно изъятие имущества (денег) без согласия собственника по решению суда.

Осознание того, что многие привычные общественные явления есть ни что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках во второй половине XX столетия²⁴.

Сказанное не означает, что социальное конструирование преступности совершенно произвольно. Государство «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб*, а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний *не* причиняют вреда другим, или причиняют вред незначительный, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, доб-

---

²⁴ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. – N Y: Doubleday, 1966.

ровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта²⁵. В этих случаях жертвами являются сами субъекты соответствующих деяний.

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона многих современных государств, включая Россию, около 100 % взрослого населения – уголовные преступники (включая автора этих строк). Это, увы, очевидно для России. (И становится все очевиднее по мере бурной деятельности Госдумы...). Но и в ряде других стран ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91 % до 100 % респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон штата признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

Между тем, преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и по мнению Бенедикта Спинозы (1632–1677): «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»²⁶. Спиноза здесь ошибается только говоря об «общем согласии». Государство (власть) решает по-своему.

Позднее П. Сорокин напишет: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнуданности и воздержания и т. д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная...»²⁷.

И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, зато сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов²⁸. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер²⁹: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»³⁰.

²⁵ Schur E. Crimes Without Victims. – Englewood Cliffs, 1965.

²⁶ Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.

²⁷ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. С. 62.

²⁸ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. – New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. – Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. – Wadsworth Publishing Co., 1996, pp. 45–51; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. – Palgrave Macmillan, 2012; Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. – NY., L.: Routledge., 1992, pp. 27–46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. – SAGE, 1996, p. 13.

²⁹ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

³⁰ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10, pp. 63–80.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов.³¹ А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)³².

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии³³.

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей»³⁴.

Все так. Равно как идеи культуральной криминологии (J. Ferrel, D. Garland, K. Hayward, J. Young)³⁵. Преступность – порождение культуры, неперенный элемент культуры, равно как средства и методы социального контроля над преступностью. Но не пойти ли нам дальше? Точнее, вернуться к Э. Дюркгейму: «Преступность – нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно». А теперь снова вперед: «*преступное* поведение «нормально». Не в смысле – хорошо, а обычно, естественно, распространено. То, что общество (государство, власть) считает «преступным» совершается постоянно, всеми в едином процессе (потоке) нерасчлененной жизнедеятельности.

Более того, со времен Э. Дюркгейма (1858–1917) известно: «Преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!»³⁶. При этом Э. Дюркгейм ссылается на пример Сократа, приговоренного к смертной казни за идеи, опередившие его век.

---

³¹ Christie N. A suitable Amount of Crime. – NY-L.: Routledge, 2004, pp. 10–11.

³² Christie N. Ibid., p. 1.

³³ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. – Oxford University Press, 2007, pp. 179–337. См. также: Young J. The Vertigo of Late Modernity. – SAGE Publications, 2007.

³⁴ Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. – NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, p. 2.

³⁵ Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. – Oxford University Press, 2003; Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000, Vol. 40, № 3.

³⁶ Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. С. 39–43.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.